

ОНИ ОКАЗАЛИСЬ В ПОЛНОЙ ИЗОЛЯЦИИ.
ЗДЕСЬ ПРАВ ТОТ, КТО СИЛЬНЕЕ

ЕВГЕНИЙ БУГРОВ

ИНЦИДЕНТ НА ОСТРОВЕ ВИКТОРИЯ

ВОЕННЫЙ РОМАН

Евгений Бугров

Инцидент на острове Виктория

Серия «Военный роман (Эксмо)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63113677*

Аннотация

Майор Булавин отправлен в секретную командировку на необитаемый остров Виктория в Баренцевом море с заданием срочно ликвидировать снаряды, начиненные боевым отравляющим веществом зарин, которые из-за разгильдяйства были оставлены там подразделением стратегического назначения. Вместе с Булавиным на остров отправляются два пограничника.

Когда команда уже приступила к дезактивации зарина, к острову неожиданно причаливает военный норвежский корабль. Булавин требует от командира норвежского корвета Свенгсона немедленно покинуть остров и территориальные воды России. Но в ответ Свенгсон предлагает российским военнослужащим сдать...

Содержание

Глава I	4
Глава II	13
Глава III	22
Глава IV	27
Глава V	36
Глава VI	47
Глава VII	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Евгений Бугров

Инцидент на острове Виктория

Глава I

Майор Булавин вышел на улицу, вдохнул морозный воздух полной грудью, огляделся вокруг. Изумительно белый снег сверкал на солнце и слепил глаза так, что он невольно сощурился. Так вот почему все северные народы узкоглазые, подумал офицер. Ветра не было, температура одиннадцать градусов, и снег еще не начал таять. Скоро и здесь весна начнется, подумал Булавин.

К командиру базы он мог пройти по внутреннему коридору трилистника, не выходя наружу, дойти до атриума, а там еще метров тридцать по другому коридору, и он у цели. Но, во-первых, после суточного дежурства в закрытом помещении хотелось насладиться чистым морозным воздухом, во-вторых, полковник Трезубов, всегда требовавший от подчиненных точности, к себе вызвал его довольно странно:

– Товарищ майор, после дежурства подойдите ко мне ненадолго.

– В какое время товарищ полковник? – уточнил Булавин.

– Ну..., в любое, как освободитесь, до десяти тридцати.

Сдав дежурство и освободившись в половине десятого, минут пять поболтал со сменившим его капитаном Сухо-руковым, оделся, вышел наружу. Зачем я ему понадобился, недоумевал Булавин, может, какая-то загвоздка с моим повышением по званию? Вроде, не должно быть: «не выезжал», «не привлекался», дисциплинарных взысканий уже пять лет не имел. Может, что из-за жены? Так сейчас парткомов нет, и на партсобраниях тебя не полощут из-за жалоб второй половины.

Навстречу ему пролетел снегоход, кто-то из погранцов; в сторону аэродрома проехала снегоочистительная машина. Все правильно, сегодня должен прибыть борт из Мурманска. Надо бы вечером зайти в магазин, привезут каких-нибудь фруктов.

Перед входом в административный корпус Булавин потопал ногами, чтобы сбить снег с обуви, поднялся на крыльцо, достал удостоверение. И, хотя часовой на входе прекрасно знал Булавина, он как всегда придирчиво проверил его пропуск, затем вытянулся и отдал майору честь. Булавин кивнул дисциплинированному часовому, прошел вовнутрь здания. Их база ПВО является самым секретным объектом на земле Франца Иосифа. Вообще, за последние два года здесь многое изменилось. Построили новые жилые модули на сваях, рядовой состав живет не в обычной армейской казарме, а по двое в отдельных комнатах. Завезли новую технику, мебель,

обновили всю инфраструктуру, построили баню, организовали клуб, библиотеку. Не шикарно, но жить можно.

Перед дверью с табличкой «Полковник М.С. Трезубов», остановился, прислушался. В кабинете начальника тишина. Постучал в дверь, открыл ее, вошел:

– Разрешите, товарищ полковник?

– Заходи, Ульрих Романович, – пожилой полковник с окладистой бородой, гостеприимно пригласил подчиненного в кабинет, – чай будешь?

– Нет, спасибо, Михаил Станиславович, на дежурстве лит-ра два выдул.

– А я попью. И ты знаешь, заметил: после крепкого чая лучше думается, – удивленно сообщил Трезубов, сел напротив Булавина с бокалом, любовно погладил свою знаменитую бороду.

Среди военнослужащих на острове эта борода командира служила предметом шуток и зависти. В прошлом году из Москвы к ним прибыла инспекторская проверка. Рассказывают, что когда Трезубов встречал на аэродроме проверяющего генерала, то тот после доклада руководителя объекта, неодобрительно посмотрев на явное нарушение Устава, не удержался и спросил:

– А что это вы, товарищ полковник, как старообрядец какой, бородачица с лопату?

– Медицина порекомендовала, товарищ генерал, горло замучило, – мгновенно доложил Трезубов. – Мне здесь мест-

ный врач посоветовал: или уезжайте отсюда, или отрастите бороду. Уезжать не хочу, потому и отрастил.

Больше генерал вопросов по этому поводу не задавал.

– Представление на звание я отослал две недели назад, думаю, скоро будем обмывать, – информировал Трезубов подчиненного.

– Спасибо, товарищ полковник.

– Тут вот что, Ульрих Романович, – полковник откинулся на спинку стула, загадочно посмотрел на подчиненного, – не приходилось бывать на Виктории?

– На острове Виктория? – уточнил Булавин.

– На острове.

– Нет. С пограничниками как-то приходилось мимо пролетать, а так... нет.

– Ты ведь на гражданке химфак заканчивал.

– Так точно, казанский техуниверситет.

– Не забыл еще, чему учили?

– Нет, после универа пришлось даже поработать в одном НИИ. Основное помню...

– Надо слетать, Ульрих Романович, в командировку на остров Виктория. Меня попросили выделить одного человека на одну операцию...

– Какую операцию?

– Не знаю. Сказали, требуется толковый офицер, опытный полярник и с химическим образованием.

– А при чем тут Виктория? И зачем?! Там уже лет два-

дцать лет никого и ничего нет ...

– Значит, что-то есть. Я выбрал тебя. Не скрою, с сожалением. Отрывать лучшего начальника смены.... В общем, требуется твое принципиальное согласие.

– Ну, что ж, товарищ полковник, – Булавин усмехнулся, мотнул головой, – я человек военный...

– Тогда сделаем так. Сейчас иди, отдохни до утра. Сегодня прилетает один начальник с Большой земли. А завтра он с вами встретится и все вам расскажет. – Хорошо, товарищ полковник. Разрешите идти?

– Иди.

Булавин встал, направился к двери. Уже на пороге Трезубов остановил его вопросом:

– Ульрих Романович, подожди, – Булавин остановился. Трезубов встал из-за стола, подошел к подчиненному, – как у тебя с женой? – испытующе посмотрел на майора.

– Никак, – Булавин криво усмехнулся, – подала на развод, я ей даю развод.

– Может, дать тебе отпуск на неделю, чтобы уладить? Следаешь?

– Нет, Михаил Станиславович, уже не склеить. Она недавно похвасталась мне: «Нашла нового мужа. Лучше тебя, и я им очень довольна».

– Ну и стерва! – с чувством произнес Трезубов. – Ладно, иди, отдыхай.

Крах семейной жизни был действительно ударом судьбы

для майора Булавина. Лиану он встретил в Петербурге во время отпуска. Ему тогда было тридцать один, ей – восемнадцать. Она студентка, он – старший лейтенант, служивший на «точке» в Кировской области. Любовь вспыхнула и обожгла их обоих, год переписки, на следующий год поженились. Родители Лианы настороженно отнеслись к этому браку, но промолчали, потом смирились. Девяностые годы – время тяжелое, мутное, а Ульрих почти всю зарплату регулярно высылал юной жене. Потом родился Глеб. И как-то так получилось, что все годы службы они жили раздельно. Глеб часто болел, это было причиной, по которой она не приезжала к нему надолго жить «в казарме». Потом были другие причины: «Не хочу терять хорошую работу», «Глебу надо поступать в институт». Четыре года назад, перед переводом на землю Франца Иосифа, он купил двухкомнатную квартиру в Петербурге. Не хоромы, но вполне приличная двушка. Теперь, как он полагал, семейные скрепы есть. Через год уволюсь из армии, вернусь в Питер, заживем как все нормальные люди. Так он планировал.

Но что-то случилось в семейной жизни, домашний очаг больше не грел. Это он остро почувствовал в прошлом году, во время последнего отпуска. Раньше, когда он переступал порог дома, Лиана кидалась ему на шею, и долго стояла, прилипнув к мужу после долгой разлуки. На этот раз холодность жены его поразила.

– Приехал? – бесцветно спросила она его на пороге, мол-

ча, подошла, холодно наградила дежурным поцелуем.

В постели лежала бревном, словно выполняла унылую супружескую повинность, такую же, как уборка в квартире или мытье посуды. После интима, буркнула «Давай спать. Мне завтра рано на работу», повернулась к нему спиной, вскоре уснула. Ни привычных женских ласк, ни даже интереса к его жизни в Арктике. Утром, когда он встал, на кухонном столе нашел записку: «Завтрак в холодильнике».

Скандал разразился вечером, когда Лиана возвратилась с работы. Он сообщил жене, что подписал контракт еще на один год службы в Заполярье. После этого у него будет солидная выслуга, тридцать один год, можно выходить на отдых с приличной пенсией. Возраст пятьдесят три, еще не старик. То, что она без восторга отнесется к его решению, он предполагал. Но реакция Лианы была слишком эмоциональной: «Ты только о себе думаешь!», «Я устала от такой жизни», «Вот и убирайся туда и целуйся там со своими медведями!» – поток истерики и злобы, полившийся на Ульриха, оглушил.

– Подожди, Лиана, – мужчина робко попытался оправдаться. – Я ведь для семьи стараюсь. Если бы не моя служба, у нас не было бы этой квартиры...

– Для семьи? – она встала напротив мужа, глаза сверкали, в этот момент она была удивительно красива. – На семью тебе наплевать! Сын уже забыл отца....

Майор Булавин был подавлен. Вот и высохла вся любовь, с

горечью констатировал он. Сын, студент третьего курса юридического факультета, тайно доложил отцу, что у мамы завелся какой-то «хмырь». Это окончательно добило Ульриха. Ну что ж, горько размышлял он, она еще женщина в соку, сорок лет, ей мужик нужен. Он даже раньше, за неделю до окончания отпуска, уехал из дома.

Все это пронеслось в памяти пожилого майора, по пути к своему холостяцкому дому. У крыльца сидел Джек, трехлетний сибирский хаски. Увидев хозяина, он потрусил ему навстречу, повиливая хвостом. «Ну, как ты тут, не замерз?» – Ульрих присел на корточки, потрепал пса за холку. Тот, радостно взвизгнув, лизнул его в щеку. – Пошли, позавтракаем».

Раньше, уходя на суточное дежурство, Булавин закрывал Джека в квартире. Но тот один раз умудрился открыть дверь и выбежать на улицу, когда была метель, выстудил всю квартиру. Эта порода собак, как понял Булавин, прекрасно приспособлена к суровым условиям Арктики и может спокойно переносить на открытой местности даже лютые морозы.

Ульрих разделся, поставил на электроплиту вчерашний суп, сел в кресло. Джек подошел к нему, положил морду на колени Булавина. «Знаешь, за что я тебя ценю, Джек, – погладил по голове пса, – ты за любовь ничего не требуешь, ну, разве что миску супа, – Джек лизнул его в руку, преданно посмотрел в лицо хозяина, – уж ты-то меня не предашь».

Позавтракав, сел перед телевизором, но после бессонной

рабочей ночи и горячего супа глаза непроизвольно начали слипаться. Отключил телевизор, не раздеваясь, лег на кровать и через пять минут провалился в глубокий сон.

Глава II

В кабинете Трезубова, когда туда вошел Булавин, сидели два пограничника: лейтенант Кирилл Иноземцев и капитан Николай Крутихин.

– Привет, – Булавин поздоровался с коллегами из смежной службы, – а вас-то за что сюда пристегнули?

– В полном недоумении, товарищ майор, – признался Крутихин. – Вы сами-то что предполагаете?

– Тоже без понятия. Я сначала подумал, для организации на Виктории нашей станции ПВО. У нас в восьмидесятые там была точка. Но зачем сейчас она там нужна? Если здесь целый полк, какой смысл?

Обсуждение причины, по которой их вызвали для встречи с большим начальством с Большой земли, прервало появление этого самого начальства. Дверь открылась, вошел полковник Трезубов и генерал в форме войск химической защиты. Это был крупный мужчина, лысый, с внимательным, тяжелым взглядом.

– Товарищи офицеры! – громко дал команду Булавин и встал.

Остальные последовали его примеру. Генерал остановился перед столом хозяина кабинета, быстро окинул взглядом стоявших перед ним офицеров.

– Здравствуйте, товарищи офицеры, садитесь, – дал ко-

манду генерал, тихо и слегка грустя.

Офицеры сели только после того, как генерал уселся за стол Трезубова. Сам хозяин кабинета встал рядом с генералом, объявил:

– Товарищи офицеры, вас пригласили для выполнения особого задания государственной важности – локализация очага химической опасности на острове Виктория. Об этом задании вам сообщит сейчас начальник войск радиационной, химической и биологической защиты генерал-лейтенант Кириллов, – Трезубов сел за перпендикулярный стол рядом с Булавиным.

Генерал внимательно обвел взглядом присутствующих офицеров, надел очки, тихо произнес:

– Михаил Станиславович, кратко, но точно обозначил задачу, которую вам придется решать. Но, прежде, чем посвятить вас в суть вопроса, я все-таки обязан спросить: есть ли у вас какие-либо причины, которые помешают вам жить и работать без перерыва на острове Виктория в течение двух-трех недель. Болезнь, какие-то семейные проблемы?

Булавин, Иноземцев и Крутихин переглянулись между собой. Помолчали.

– Нет, товарищ генерал, – ответил за всех Булавин, – таких причин нет.

– Хорошо. Тогда я постараюсь кратко изложить суть задания, которое вам придется выполнять. И, хотя вы все по своему должностному положению допущены к сведениям, со-

ставляющим государственную и военную тайну, я обязан вас еще раз предупредить. То, что вы сейчас услышите, вы не имеете права никому говорить: ни вашим сослуживцам, ни друзьям, ни членам семьи. Сначала немного истории. С 1960 по 1992 годы на острове Виктория дислоцировался наш совершенно секретный объект № 8032. Он там находился под легендой полярной станции. На самом деле это был военный объект стратегического назначения. На острове под землей находились шахты с боевыми ракетами «Эльбрус». Ракеты эти находятся там и по сей день, но это уже практически груды металлолома и не представляют какой-либо материальной ценности или военной тайны.

А теперь самое главное, – генерал снял очки, сделал небольшую паузу. – В качестве боеголовок к этим ракетам служат снаряды заправленные зарином. Знаете, что это такое?

– Боевое отравляющее вещество нервнопаралитического действия, очень токсично, – сообщил майор Булавин.

– Совершенно верно. Пикантность ситуации заключается в том, что снаряды, заправленные зарином, до сих пор находятся на острове в подземных бункерах. Всего, судя по сохранившимся документам, там находятся 12 тонн этого отравляющего вещества. Как заверяют наши специалисты, зарин находится в законсервированном состоянии, в корпусах снарядов, при постоянной температуре около десяти градусов Цельсия, значит, он не потерял своих боевых свойств.

В соответствии с международной Парижской конвенцией 1997 года, государства, подписавшие эту конвенцию, обязаны были давно уничтожить все запасы боевых отравляющих веществ. Мы подписали эту конвенцию и три года назад, в 2017 году доложили в ООН о полном уничтожении наших ОВ. Факт нахождения зарина на острове вскрылся буквально недавно. Об этом растрезвонил по Европе недавно сбежавший один наш предатель. Соответствующая комиссия ООН направила нам запрос с требованием дать разъяснение по поводу хранящихся отравляющих веществ на острове. Мы сейчас готовим ответ на этот запрос. Вполне вероятно, что от нас потребуют предоставить международной инспекции доступ на остров Виктория. Если мы в ближайшее время не уничтожим эти запасы ОВ, то этот безобразный факт вскроется, будет большой скандал и ощутимый удар по престижу страны.

– Игорь Анатольевич, а как так получилось, что такая масса страшного яда бесхозна, и лежит без надзора на острове больше двадцати лет? – удивился полковник Трезубов.

– Михаил Станиславович, – усмехнулся генерал, – вы же помните, что в девяностые творилось с нашей армией. Тогдашний начальник объекта, его нет уже в живых, доложил наверх, что ОВ ликвидировано. Кстати, деньги на дезактивацию ОВ выделялись большие. Кроме того, в последнее время зафиксированы факты нарушения наших территориальных вод со стороны норвежских рыбацких траулеров. Они

объясняют это случайностью, якобы из-за погодных условий. Но на случайность это что-то не похоже. Норвежские рыбаки никогда не заплывали так далеко от своих берегов. В общем, зачищать концы, извините за сленг, будете вы. Создается группа из пяти человек: вы трое и еще два человека – один старший офицер из Москвы и еще один доктор. Они придут на следующий день после вас. Все необходимое оборудование, спецодежду для вас уже доставили. Какие основные способы ликвидации отравляющих веществ вы знаете?

– На практике есть два общепринятых способа, товарищ генерал, – вставил Булавин, – щелочной гидролиз и термический.

– Правильно, товарищ майор. Однако у вас кадры, Михаил Станиславович, – удивленно заметил генерал Кириллов, повернувшись к Трезубову.

– Плохих не держим, – улыбнулся Трезубов.

– Хорошо. Товарищи офицеры, а теперь задавайте вопросы. Чтобы все для вас было предельно ясно. Я от вас ничего скрывать не буду.

– Товарищ генерал, – начал Булавин, – а почему военная база с боевыми химическими отравляющими веществами расположена на самой границе России, пусть и морской? Насколько мне известно, все военные базы такого типа должны и всегда дислоцировались в центре страны.

– Хороший вопрос, майор. Постараюсь на него ответить. Как вы знаете, по ядерному оружию у нас с США в семиде-

сятые годы был достигнут паритет. То есть нам было ясно, что американцы не применят против нас ядерное оружие. Ответ был бы тогда адекватным. Это был период холодной войны, который, вообще-то, продолжается и в настоящий период. Нашей разведкой было тогда установлено, что на территории Германии находятся оперативно тактические ракеты США с боеголовками, заправленными химическим оружием. Наши подобные ракеты находились в Удмуртии, Саратовской области, около Кургана, ну, и еще кое-где в центре страны. То есть получалось, что мы их не доставали, а они свободно «накрывали» всю европейскую часть нашей страны. Поэтому было принято решение максимально приблизить наши ракеты к границам Европы. Расположив эти заряды на Виктории, мы практически держали под прицелом всю Европу вплоть до Италии. Кстати, известный исторический факт. Гитлер в 1941 году планировал испытать свои ОВ на территории СССР. Мы его тогда предупредили: если ты применишь свое химическое оружие на нашей территории, то мы засыпаем всю территорию Германии нашим боевыми отравляющими веществами. Это Гитлера испугало, он отказался от идеи использовать против нас ОВ.

– Товарищ генерал, – обратился к гостю лейтенант Иноземцев, – а при чем тут Норвегия? У них-то отчего такой разведывательный зуд?

– А-а, – усмехнулся генерал Кириллов, – они из-за этого острова давно на нас зуб точат. Еще немного истории. Где-то

с середины двадцатых годов прошлого века мы долго бодались с Норвегией из-за этого острова. Хотя на острове ничего ценного нет, но по морскому праву собственник этого острова получает огромные морские территории. В конце концов, спор по этому острову выиграли мы. В 1932 году ООН признала наше право на этот остров. А тут такой удобный случай для норвежцев, насолить нам. Если выяснится, что мы используем этот остров как военную базу, нацеленную на Европу, то они могут в ООН оспорить наше право на этот остров. Велика вероятность того, что ООН, увидев нарушение нами Конвенции, придаст Виктории особый статус, как Шпицбергену, где юридическое право собственности остается за нами, но оно будет ограничено: все прилегающие страны могут заниматься на нем хозяйственной и коммерческой деятельностью.

– Товарищ генерал, а как планируется проведение всей этой операции? – задал вопрос капитан Крутихин.

– Мы долго думали над этим вопросом, пришли к такому решению. Двенадцать тонн снарядов, не такой уж большой груз. Его можно спокойно вывезти на любом судне небольшого тоннажа. Но проблема заключается в том, что снаряды эти лет сорок пролежали в полусыром бункере, корпуса снарядов могли пострадать. Поэтому транспортировать их, предварительно не дезактивировав ОВ очень опасно. Исходя из сложившейся ситуации, дезактивацию зарина будете проводить вы, на месте. Сама по себе операция дезактивация

несложная: открывается колпачок снаряда, в нем тринадцать килограмм зарины, вовнутрь заливается реактив, снаряд снова герметизируется. Через несколько дней происходит полная дезактивация, и снаряды можно безопасно транспортировать. Ориентировочно там находится от девятисот до тысячи снарядов. То есть на всю операцию вам понадобится около двух недель. Остальное время вы будете находиться на острове и сторожить бункер, изображая при этом пограничников.

– То есть мы там будем по легенде как пограничники погранзаставы?

– Совершенно верно.

– Товарищ генерал, – обратился Булавин, – а почему у объекта такой странный номер, 8032? Все наши особо режимные объекты обычно обозначались двузначными числами: Арзамас-16, Челябинск-47.

– В восьмидесятые, при Горбачеве, была другая система кодификации. А выбранный номер получился так: 80 – это географическая параллель, а 32 – год, когда к СССР отошел этот остров.

– Скажите, товарищ генерал, а какой ответ мы будем посылать в ООН? – тихо спросил полковник Трезубов.

– А как бы вы на месте нашего руководства ответили на такой провокационный запрос? – вопросом на вопрос ответил генерал, при этом долго и внимательно посмотрел на Трезубова.

– Понял, товарищ генерал.

– Во-от, поэтому-то мы в пожарном порядке и сформировали вашу группу. И еще, товарищи офицеры, – голос генерала Кириллова зазвучал строго и официально, – с учетом того, что Запад только и смотрит, где бы нам напакоstitь и обвинить нас во всех грехах, наших и не наших, задание очень ответственное – защита имиджа нашего государства. Находясь на острове, вы должны четко выполнять инструкции нашего специалиста. Со своей стороны обещаю, что все участники операции, если все пройдет благополучно, будут представлены к правительственным наградам. Есть еще вопросы?

– Когда мы должны прибыть на остров? – спросил Булавин.

– День на сборы, то есть послезавтра вы прибудете на остров.

– Понял, товарищ генерал.

– Если нет больше вопросов... – генерал Кириллов встал, за ним встали все офицеры, – Желаю вам успехов, – генерал пожал руку офицерам-полярникам, вышел из кабинета, сопровождаемый полковником Трезубовым.

Глава III

Булавин лежал в тесной каюте военного катера, пытаюсь заснуть. Но мысли, горькие и ненужные, снова лезли в голову. Отвязаться от них не было никакой возможности. Где моя вина, в чем я не прав – размышлял Ульрих Романович о своей рухнувшей семейной жизни. Ведь она знала, за кого выходила. В чем меня можно упрекнуть? Единственная моя вина в том, что я двадцать лет мотался по точкам. Она тогда, когда я еще был старлеем, заявила: «Я в казармах жить не буду». Но другие-то жены жили.

Катер сильно болтало, Булавина слегка подташнивало. Он сел на жестком матрасе, Джек, лежавший рядом на полу, мгновенно поднял голову. Булавин потрепал его по шее, посмотрел на будущих соратников. Иноземцев и Крутихин играли в нарды, выглядели веселыми и жизнерадостными, словно и не было никакой болтанки. Иноземцев хороший радист, будет на острове отвечать за связь с Большой землей и со своей заставой, а также будет за повара. Крутихин техник, отвечает за матобеспечение в группе, Группа, конечно, маловата, но это понятно: чем меньше людей знает о той ситуации, которую им придется разгрести, тем лучше.

Булавин почувствовал рвотные позывы. Черт, еще не хватало опозориться перед подчиненными! Он быстро встал, надел куртку. Джек тут же вскочил. «Лежи тут!» – приказал

ему Булавин, быстро вышел на палубу.

За бортом Баренцево море. Свинцовые волны глухо бились о борта катера. Булавин прошел в рубку. Капитан-лейтенант Третьяков внешне вовсе не походил на морского волка: молодой, лет тридцать, веселый и интеллигентный. Он стоял у штурвала, смотрел вперед, при этом слегка покачивал головой, видимо в такт музыке. К уху его прикреплен маленький наушник. Увидев майора Булавина, повернулся к нему:

– Что не сидится, товарищ майор?

– Да. Когда прибудем, командир?

– Часа через два.

– Хорошо. А вы были на этом острове?

– Был, прошлой осенью. Искали тогда беглецов, помните?

– Помню. Их так и не нашли? – спросил Булавин.

Он знал, что поиски двух солдатиков, полгода назад сбежавших с Земли Франца Иосифа с оружием на моторной лодке в сторону Шпицбергена, закончились безрезультатно, но спросил только потому, что хотел узнать дополнительные детали по этим беглецам.

– Нет. Моторную лодку нашли в море, в ней никого не было. А их нет, не нашли. Начальник заставы лично несколько раз прошел остров вдоль и поперек. Никаких следов.

– Ну, да.

Побег двух пограничников с оружием с заставы в открытое море был самым крупным ЧП за все время службы Була-

вина в Арктике. Приезжала следственная группа из Мурманска. Вывод, к которому пришли следователи – беглецы, скорее всего, утонули. В день, когда они сбежали, был действительно сильный шторм. Версия «пропали без вести» была удобна всем. Командованию погранвойск это позволяло затушевывать сам факт побега, финансовой службе такая формулировка позволяла не выплачивать компенсацию родителям солдат. Причина, по которой солдатики сбежали, тоже официально не была объявлена, хотя, вероятно, это были набившие оскомину неуставные взаимоотношения. Но... воинские части умеют хранить свои тайны.

– Как будем высаживаться на берег? – поинтересовался Булавин.

– На шлюпке. Причалов там нет.

– Сумеем? Волны-то вон какие...

– Не беспокойтесь, товарищ майор, высадим вас. На мысе Книповича волны меньше. Да и шторм небольшой, балла на полтора. В апреле здесь всегда штормит. А зачем вас так срочно кидают на этот остров? – поинтересовался командир катера.

– Будем делать рекогносцировку. У начальства всегда так: ударит моча в голову – срочно выполнять.

– Согласен, товарищ майор. Нехороший только этот остров, слава у него дурная, не любим мы его.

Булавин не стал уточнять, чем вызвана нелюбовь пограничников к этому острову, прошел обратно в каюту.

– Товарищ майор, может, перекусите, – предложил Иноземцев, – когда к острову прибудем, выгружаться долго будем, не до этого...

– Вы ешьте, я не хочу, – Булавин снова прилег на кровать. Днем, около четырнадцати часов, у мыса Книпович встали на якорь. Волны здесь действительно были поменьше. До берега метров семьдесят разгружались часа четыре. Шлюпка сделала около десяти рейсов туда – обратно. Хорошо помогли моряки Третьякова. Они не только выносили груз на берег, но и отгоняли моржей, которые недовольно косились на незваных гостей. Наконец, катер «Буйный» дал прощальный гудок, а высадившиеся на остров полярники помахали рукой отходившему судну.

Вдруг выглянуло солнце. Осмотрелись. Берег – мелкая галька, на которой кое-где словно брильянты сверкали куски льда. На возвышении острова стояли строения: жалкие хибары, и один длинный барак. Строения были в таком состоянии, что Булавин и его подчиненные сразу оставили мысль воспользоваться их крышей. Рядом с баракom лежали две огромные цистерны, а вокруг пустые бочки. Возле барака стоял ветряк. Он был высокий метров пятнадцать. Ветряк бездушно крутил лопастями и на безлюдном острове выглядел жутковатым монстром. Если аккумулятор не сдох, то должно быть электричество подумал Булавин.

– М-м-да, засрали остров..., – глубокомысленно произнес Крутихин.

– Тридцать лет назад не было экологического движения, – заметил Булавин.

– О, смотрите-ка, вот и хозяин объявился, – воскликнул Иноземцев.

Все посмотрели в сторону, куда показывал рукой лейтенант-пограничник. По берегу в их сторону двигался белый медведь. Он шел, не спеша, лениво, не обращая внимания на моржей. Джек наострил уши и, уставившись на приближавшегося зверя, тихо зарычал.

– Надо его шугануть, – сказал Булавин, достал пистолет и сделал два выстрела в воздух. Медведь остановился, поднял морду и потянул носом. Затем шагнул в воду и нырнул в морскую пучину.

– Ну, вот так-то лучше, – удовлетворенно произнес Булавин, засунул пистолет в кобуру. – Значит так, товарищи офицеры, – повернулся к своим подчиненным, – задача минимум: поставить палатку, установить антенну. Тебе, Кирилл, сегодня надо наладить связь с базой на Франце. Все это надо сделать до темноты. Потом ужин и личное время.

– Личное время приплюсуем ко сну, – заявил Крутихин, – я уже на излете.

– А где вход в этот бункер? – бросил в воздух вопрос Иноземцев.

– Завтра придут спецы с Мурманска, у них должны быть карты, они найдут, – высказал свое мнение Булавин, – все, работаем, мужики!

Глава IV

На следующее утро на остров опустился легкий туман. Видимость не больше ста метров.

– Могут и не прилететь, – задумчиво заметил Иноземцев.

– Прилетят, – убежденно заявил Булавин, – это ведь поллярные летчики, да и расстояние всего-то сто семьдесят километров.

Время подходило к обеду, но признаков того, что к ним летит подкрепление, не было никаких. Булавин и пограничники периодически всматривались в небо, но там кричали только чайки. Наконец, во втором часу дня Иноземцев, сидевший у радики, торжествующе крикнул:

– Летят! – Булавин и Крутихин подбежали к радисту. – Пилот вышел на связь. Время подлета ориентировочно полчаса. Тише! – Иноземцев поднял руку, видимо слушая радиста с вертолета, затем снял наушники, посмотрел на товарищей. – Они просят обозначить место посадки вертолета. Чтобы ровное и без препятствий.

– Вон, на холме обозначим, – Булавин показал рукой на самое высокое место острова, где была сравнительно ровная площадка, – там и льда почти нет.

– И как мы обозначим? – задал вопрос Крутихин.

– Как партизаны в белорусском лесу. Делаем треугольник из трех костров.

– Дрова нужны...

– Дров полно. Вон разберем старые доски от сараев. Полканистры бензина хватит.

Костры запылали как раз перед прилетом вертолета. Сначала они слышали характерный хлопающий шум винтов, затем из тумана вынырнул военный вертолет. Он был темно-зеленый и походил на хищную птицу. Вертолет завис над обозначенной площадкой, стал медленно опускаться на землю. Приземлился, но лопасти винта еще долго вращались, обдавая воздухом стоявших неподалеку полярников. Когда винт остановился, наступила непривычная тишина. Булавин и его подчиненные напряженно смотрели на все еще закрытый люк вертолета. Дверь вертолета открылась, из проема двери на землю спустили трап.

Первым из вертолета спустился высокий мужчина, в зеленом камуфляже без знаков различия. Для полярника он выглядел необычно: франтоватое зеленое кепи с опущенными наушниками, дымчатые очки в тонкой оправе, на руках черные перчатки. Он остановился, медленно покрутил головой, обозревая местность. Затем остановил взгляд на военных полярниках, стоявших перед ним. Смотрел на них несколько секунд, в это время на его очках отражались блики догорающего костра.

После него сзади на землю, игнорируя трап, спрыгнул второй пассажир, тоже в зеленом камуфляже, но в черной шапочке. Остановился рядом с первым мужчиной.

– Гля, да это баба! – удивленно воскликнул капитан Крутихин.

Булавин тоже удивленно посмотрел на второго пассажира. Молодая женщина лет тридцати пяти, лицо овальное, довольно милое, но строгое, фигура даже в мешковатом армейском комбинезоне выглядела стройной, из-под шапочки выбивались короткие светлые волосы.

Булавин пошел знакомиться с прибывшими гостями, составляющими подкрепление.

– Здравия желаю, майор Булавин Ульрих Романович, старший группы, – подал руку мужчине, оголив ладонь.

– Здравствуйте, майор, – сухо ответил высокий мужчина. Поздоровался за руку, не сняв перчатку, – подполковник Генштаба Самойлов Арнольд Мстиславович, инспекторский отдел.

Женщина первая подошла к Булавину, сняла перчатку, подала руку:

– Беленко Ольга Вячеславовна, тоже майор, доктор химических наук.

– Так вот какой вы доктор! – удивленно воскликнул Булавин, – а я подумал о другом.

– Вы разочарованы, майор? – иронично спросила женщина.

– Нисколько. Даже польщен. Иметь в своей группе ученого...

– Не беспокойтесь. Если понадобится, вытащу вас *отту-*

да не хуже любого врача.

– Надеюсь, что это не понадобится, – улыбнулся ей Булавин.

– Если будете соблюдать все инструкции.

Подошли Иноземцев и Крутихин, представились. В момент знакомства Крутихин беспардонно осмотрел фигуру Беленко.

– Значит так, товарищи офицеры, – начальственным голосом объявил подполковник Самойлов, – быстро разгружаемся, отпускаем вертолет, а потом небольшое совещание, где до вас будут доведены вводные.

Когда мужчины сгружали груз с вертолета, женщина стояла рядом и говорила какие ящики надо разгружать особенно осторожно, чтобы не разбить реактивы. Были четыре больших металлических ящика особенно тяжелых, килограмм по семьдесят.

Булавин спросил доктора-химика о содержимом этих ящиков.

– Там ничего ценного, алюминиевые металлические стружки, – сообщила Беленко.

– Думаете, понадобятся?

– Не знаю, запасной вариант.

После того, как разгрузили вертолет и отпустили его, Булавин на правах хозяина пригласил всех в палатку: «Всех прошу, к нашему шалашу!». Все прошли в палатку, разместились. Там было сравнительно тепло, хоть и темновато.

После холодного ветра и сырой мглы помещение выглядело уютно.

– Итак, товарищи офицеры, – подполковник Самойлов, снял запотевшие очки, не спеша, протер их специальной тряпочкой, начал выдавать обещанные «вводные», – на вашу группу возложено ответственное задание – ликвидировать склад химических боеприпасов. Быстро и тщательно, не оставив никаких следов. Там внутри, на складе боеприпасов вы, будете работать под руководством майора Беленко. Все ее указания выполнять точно и беспрекословно. Я, как представитель Генерального штаба, осуществляю контрольные функции. Активная фаза операции по дезактивации химических боеприпасов – не более десяти дней. Слово нашему специалисту. Прошу, товарищ майор.

Женщина сняла шапочку, белокурые волосы рассыпались на плечи. Посмотрела на притихших мужчины, как строгая учительница на первоклассников.

– Что такое зарин, я думаю, вам объяснять не надо, – голос доктора химических наук зазвучал тихо, но приятно, – только один факт применения этого отравляющего вещества. В 1995 году небезызвестная «Аум Синрикё» проткнула однолитровый баллон с заринем в токийском метро. Несколько десятков человек умерли, около шести тысяч человек отравились. В бункере, где мы будем работать, находится десять тысяч литров зарина. Дезактивация зарина будет проходить по следующему алгоритму: в бункере работают четыре чело-

века, я и вы трое: Один откручивает колпачок снаряда, другой – заливает в корпус снаряда реактив, третий закручивает корпус снаряда. Я нахожусь рядом и даю указания, при необходимости подстраховываю каждого из вас. Работаем только в защитных костюмах и противогазах. По окончании работы проходим санобработку. Там должны быть душевые кабины, затем, уже в другом помещении, раздеваемся догола, обмываем все тело. Предупреждаю: зарин особенно опасен в виде аэрозоли, поэтому никакой вентиляции в бункере не будет. Вопросы.

– Как мы будем общаться в бункере друг с другом? – спросил Булавин. – В противогазах слышать друг друга будет затруднительно.

– У нас собой есть миниатюрные переговорные устройства, приспособленные под противогазы. Проблем не будет.

– Скажите, док, а если кто-то из нас глотнет все же этого зарина, что тогда? – ехидно спросил Крутихин.

– У нас солидный запас антидотов, специально для зарина. Даже при большой порции зарина, если вовремя применить антидот, летального исхода не будет.

– Ну, спасибо, а то как-то не хочется умирать героем.

– Теперь у меня к вам вопрос, – произнес подполковник Самойлов и повернулся к Булавину, – вы нашли вход в бункер?

– Мы его не искали, не до этого было. Надо было установить связь, оборудовать место проживания, – Булавин про-

вел рукой по вокруг себя, чтобы новый гость мог обозреть пространство палатки.

– Плохо, – скривился Самойлов и покачал головой, – я полагал, вы это уже сделали.

– Товарищ подполковник, – неожиданно встала на защиту Булавина Беленко, – искать этот вход без карты – это все равно, что иголку в стоге сена.

– Ну, хорошо. Дайте-ка мне эту карту. Я пройду по территории острова, пока светло. Все свободны.

– Минуточку, – Булавин остановил офицеров, – небольшое пояснение для вновь прибывших. Пожалуйста, далеко от нашего лагеря не отходите. Белые медведи, конечно, симпатичные и пушистые, но звери очень коварные. Поэтому, если куда-то отлучаетесь, то предупреждайте меня и всегда берите с собой оружие. Поскольку у нас коллектив смешанный, то на первое время туалет у нас приспособлен вон там у сарая, вы видели. Это, чтобы не было, неприятных ситуаций. И еще: остатки пищи вблизи лагеря не выбрасывать: у медведей очень хороший нюх. И банки консервные, любые твердые бытовые отходы складываем в одном месте, Иноземцев вам покажет. Это все. Если есть вопросы, пожалуйста.

Вопросов не было, поэтому Беленко достала из дорожной сумки карту острова, завернутую в плотный целлофановый пакет. Самойлов, взяв карту, вышел из палатки.

– Кирилл, что у нас сегодня будет на ужин? – спросил Булавин Иноземцева, чтобы сгладить неприятный укор в свой

адрес со стороны московского начальства.

– Макароны с тушенкой.

– Ой, а я привезла мандарины, – воскликнула Беленко, – она быстро достала из своей сумки большой пакет оранжевых фруктов, поставила его на стол.

– А что, у вас мандарины входят в офицерский паек? – удивился Булавин.

– Нет, конечно, – улыбнулась женщина. – Я перед вылетом из Мурманска успела заскочить в наш военоторговый магазин, набрала сразу пять килограмм. Угощайтесь.

– Классно! – удивился Иноземцев, взял один мандарин, – спасибо, доктор.

– Скажите, Ольга Вячеславовна, а каковы все-таки функции у подполковника Самойлова? – поинтересовался Булавин, – «осуществляю контрольные функции» – как-то слишком размыто.

– Откровенно говоря, я сама не знаю. Я его увидела впервые только в Мурманске, перед вылетом. Я знаю только, что вся эта операция стоит на личном контроле у начальника Генштаба. У Самойлова с ним будет прямая связь по спутниковому телефону.

– То есть мы тут под микроскопом Генштаба? – съехидничал Крутихин, – лихо!

– Послушайте, товарищ майор, – а тут белые медведи часто появляются? – спросила вдруг женщина-химик Булавина.

– Гуляют как наши полицейские по Невскому проспекту в Питере. Но вы не бойтесь. Они здесь сытые. И мы для них не представляем интереса в плане добычи. Но без оружия по острову ходить не советую.

– Можете показать мне остров?

– Пойдемте, прогуляемся, пока готовится ужин, – Булавин поднялся, – Джек! – позвал он хаски, – со мной!

Глава V

Вход в бункер искали часа три. Он оказался в здании полуразрушенного барака, представлял собой миниатюрную каменную коробку, напоминавшую автобусную остановку, какие строили во времена Советского союза в сельской местности. В коробке был четырехугольный люк, закрытый металлической плитой, которая была покрыта коркой льда и завалена мусором. Крышка люка была толщиной миллиметров двадцать и с четырех сторон приварена к основанию, на котором она лежала.

– Что будем делать? – спросил Булавин женщину-химика.

– Вскрывать, – спокойно сказала она и направилась к палатке.

Булавин последовал за ней. В одном из зеленых ящиков с надписью «Осторожно, не бросать, беречь от огня!» она достала четыре упаковки желто-серого вещества, напоминавшие хозяйственное мыло, из другого ящика – запальные шнуры с детонаторами.

– Пластид? – поинтересовался Булавин.

– Пластид, – подтвердила Беленко, подошла к мужчинам, с интересом наблюдавшим за ней. – Кто-нибудь из вас работал со взрывчаткой? Мне нужен один помощник.

– Могу я, – вызвался капитан Крутихин, – когда-то глушил рыбу взрывпакетами.

– Нет, мне такой помощник не нужен. Товарищ майор, – повернулась к Булавину, – тогда вы пойдете со мной. Здесь ничего сложного нет.

– Хорошо, – Булавину отчего-то стало приятно, что она выбрала именно его.

– Всем отойти на сто метров, – приказала она притихшим мужчинам. – Булавин и Беленко прошли к запаянному люку. – На участках сварки пластид надо плотно прилепить к стыку между краем люка и крышкой, – начала женщина инструктировать пожилого майора, – на всякий случай прикрепите пластид скотчем, – подала Булавину небольшую катушку.

Булавин старательно выполнил указания инструктора, которая потом осмотрела работу помощника. «Нормально!», – скупой похвалила она его. – Теперь вставляйте детонаторы в пластид так, чтобы они полностью вошли в массу взрывчатки. – После установления пластида Беленко еще раз осмотрела проделанную работу. – Быстро бегать умеете? – спросила она Ульриха Романовича, озорно посмотрев на него.

– Умею.

– Запальный шнур горит шестьдесят секунд, надо отбежать минимум на сто метров. Крышка чугунная, поэтому разлет осколков может быть большим. Бежим туда, в сторону лоцины, там нас осколки не достанут. – Она подала Булавину спички.

– Не надо, у меня зажигалка, – Булавин достал из кармана

зажигалку.

– Запальный шнур загорается через три-четыре секунды. Зажигайте сначала первый, потом второй. Начинаем одновременно. Готовы? – строго спросила она.

– Да, готов.

– Начали!

Стараясь подавить волнение, Булавин зажег зажигалку, но порыв ветра неожиданно погасил пламя. Он нажал второй раз, прикрыв ладонью конец запального шнура и зажигалку. Через несколько секунд тот «схватился». Второй конец шнура он зажег без проблем. Поднял голову к Беленко. Та уже подожгла свои концы и ждала его.

– Все? – Спокойно спросила она.

– Все, – ответил Булавин и улыбнулся ей в лицо.

Женщина резко встала:

– Бежим и считаем до сорока, – она резко побежала, Булавин за ней.

Зачем считать до сорока, на бегу удивился Булавин. И, только догнав, женщину он сообразил: десять секунд на поджог шнуров, плюс еще сорок, значит, секунд десять в запасе, чтобы заблаговременно спрятаться от осколков. Они спустились в лощинку, от быстрого бега Булавин запыхался. «Ложись!», – неожиданно крикнула женщина-химик и упала на белый пушистый снег.

Булавин упал рядом с ней. Они лежали рядом, почти вплотную, тяжело дышали. Томительно тянулись секунды.

Булавин посмотрел на женщину. Из-под ее шапочки выбились белокурые волосы. Морозную тишину неожиданно разрезали оглушительные взрывы. Булавин инстинктивно опустил голову, закрыл рукой голову женщины. Затем снова наступила тишина, которую нарушали резкие крики чаек.

Беленко резко сбросила руку мужчины, приподняла голову, возмущенно воскликнула:

– Зачем вы меня обнимаете?

– Я не обнимаю вас, просто инстинктивно прикрыл, – смущенно ответил Булавин.

– Свои инстинкты оставьте на пляже и с другими женщинами.

– Ну..., извините, – Булавин, смущенный, сел на землю, Беленко тоже уселась рядом с ним.

Она посмотрела на него. Лицо ее порозовело и показалось Булавину удивительно милым.

– Считали? – сердито спросила она и смахнула рукой снег с ресниц.

– До сорока?

– Нет. Количество взрывов?

– Н-нет, – растерянно ответил Булавин, – как то не сообразил.

– Конечно, – иронично усмехнулась женщина, – не до того было, инстинкт.... Ладно, пойдем. Я считала, вроде четыре было, – она встала, стряхнула с маскхалата снег.

Взрывами крышку разнесло вдребезги, много осколков

врезалось в стену будки, некоторые осколки, вылетевшие из будки, валялись далеко от места взрыва. Через рваные края люка зияла пугающая чернота. Беленко посветила вовнутрь маленьким карманным фонариком, луч которого разрезал черноту внизу. Подошли соратники. Все мужчины увидели внизу цементный пол, находившийся от поверхности земли на глубине около двух метров. От четырехугольного люка вниз шла лестница.

– После обеда спустимся вниз, обследуем весь бункер, – объявила Беленко.

– Он по размерам большой? – поинтересовался Булавин.

– Судя по карте, тридцать тысяч квадратных метров, один этаж целое футбольное поле.

– Все спустимся?

– Нет, всем не обязательно, Я проверю только воздух внутри на наличие в нем паров зарина.

– Тогда с вами пойду я и капитан Крутихин, – твердо объявил Булавин. Ему надо было подтвердить свою роль командира группы, поскольку эта роль как-то незаметно стала перетекать к женщине-майору.

– Не возражаю, – согласилась Беленко.

– Я тоже с вами спущусь, – неожиданно заявил подполковник Самойлов.

Беленко посмотрела на него задумчиво, но ничего не сказала.

После обеда майор Беленко и три офицера-мужчины через вскрытый люк спустились вниз на цементную площадку. Помещение, в котором они оказались, было довольно большим. Фонариками осветили все пространство. На полу лежали какие-то разбитые ящики с остатками крепежных металлических лент, пустые пластмассовые бутылки, мусор. На одной из стен увидели выключатель. Булавин подошел к нему щелкнул. К удивлению всех свет загорелся. На цементном потолке висел плафон, в котором из двух лампочек горела только одна.

– Свет есть. – Это облегчает нам задачу, – резюмировала Беленко.

– А тут и лифт есть! – громко воскликнул Крутихин.

Все посмотрели на большую коробку за своей спиной. Внутри металлического каркаса находилась кабина лифта. Такие лифты устанавливали раньше в сталинских домах. Беленко подошла к лифту, нажала кнопку, Лифт гостеприимно распахнул двери.

– Грузовой, – сообщила Беленко.

Лифт был квадратный, просторный, по объему как маленькая комната.

– Ну что, поедем? – то ли спросил, то ли предложил Булавин.

– Конечно, – Беленко вошла в лифт, – других вариантов нет. Только сначала наденем противогазы и защитные костюмы.

Все надели прорезиновые балахоны и противогазы. Перед тем как надеть противогазы Беленко провела короткий инструктаж. – При работе с отравляющими веществами не делать резких и ненужных движений. Как можно меньше прикасаться к поверхностям стен и предметов. Все делать по моей команде. По окончании работ я буду делать дегазацию защитных костюмов. Вы, раздевшись догола, будете полностью обмывать себя под душем. По плану он там должен быть. Если вопросов нет, спускаемся.

Судя по панели лифта в бункере было три этажа.

– На какой едем? – спросили Булавин Беленко.

– Нажимайте первый. Начнем с него. Склад боеприпасов там.

Лифт ехал долго.

– На какой мы глубине? – Поинтересовался Булавин у химика, когда лифт остановился.

– Двадцать метров. Выходим, – приказала она, первая вышла из лифта.

В отличие от верхнего этажа здесь было сравнительно чисто. Длинный коридор, по обе стороны которого находились помещения. Вдоль одной стены тянулся силовой кабель и труба отопления. Мужчины с интересом стали заглядывать в комнаты. Столы, шкафы, на стенах плакаты с призывами к политической бдительности времен Советского Союза: «Враг не дремлет!», «Болтун – находка для шпиона». Кто-то включил свет. Весь коридор осветился тусклым мигающим

светом.

Химик Беленко не интересовалась содержимым комнат. Она стояла посреди коридора, держала в руках странный прибор с индикатором, внимательно смотрела на показания, высвечивающиеся на мониторе. Булавн подошел к ней:

– Что это? – кивнул в сторону прибора.

– Автоматический газоанализатор ГСП-11, – она вдруг сняла с себя противогаз. – Здесь нет вредных газов. – Сообщила она мужчинам. – Нам надо найти, прежде всего, склад с зарином.

– И где он? – Самойлов требовательно посмотрел на химика.

– По плану он в конце коридора, идем туда, – Беленко решительно направилась вдоль коридора.

Все последовали за ней. Подошли к металлической двери, на которой выразительно красовалась табличка: «Без химзащиты и противогаза не входить!». Ниже убедительная картинка с черепом и двумя скрещенными костями.

– Это и есть поле нашей деятельности? – весело воскликнул Крутихин.

– Странно, – удивленно произнесла Беленко, – Дверь не заварена и даже не закрыта на замок. Такое впечатление, что кто-то вышел минут пять назад.

В металлических ушках двери торчал болт, даже без гайки. Химик приблизила взгляд к креплению двери, покачала головой. Затем повернулась к застывшим мужчинам:

– Первой войду я, потом вы. Противогазы надеть. Помните, что я вам говорила. Она еще раз проверила прибором наличие вредных примесей в воздухе, коротко сообщила результат проверки: «Чисто».

Сняла болт с двери. Ржавая дверь противно заскрипела. Все напряженно посмотрели в темноту, за которой притаилась смерть. Беленко вошла в помещение, осветила фонарем пространство склада. Подошла к дверному косяку, включила свет, помещение склада осветилось.

– Отлично! – удовлетворенно воскликнула она, движением ладони пригласила своих помощников войти в помещение.

На складе длинными рядами стояли снаряды с зарином. Они были синего цвета, конусообразной формы, высотой около метра, стояли на цементном полу длинными рядами. Беленко подошла к одному снаряду, внимательно посмотрела на колпачок снаряда, отвинтила один из них, затем снова поставила его на место, плотно привинтив его до защитной резиновой прокладки. Все это время мужчины стояли неподвижно, наблюдая за манипуляциями химика. Затем она посмотрела на газоанализатор, удивленно мотнула головой.

– Идем обратно, – приказала она мужчинам.

Все вышли, прошли в другой конец коридора до помещения с вывеской «Дегазационная камера», Беленко открыла ее.

– Снимайте химзащиту, кладите ее сюда. Противогаз сни-

мать в последнюю очередь, – в приказном тоне сказала она мужчинам. Мужчины выполнили все беспрекословно. – Идите к лифту, я обработаю химзащиту и приму душ.

– Нам разве душ не обязателен? – игриво поинтересовался Крутихин.

– Нет, вы же ни к чему не прикасались. На складе в воздухе есть небольшая концентрация зарина. Поэтому лучше подстраховаться.

Мужчины подошли к лифту, Самойлов и Крутихин закурили.

– Странный бункер, – глубокомысленно изрек Самойлов.

– Почему? – Булавин посмотрел на него.

– Прошло двадцать пять лет, а такое впечатление, что его покинули несколько дней назад. И свет везде работает...

– Во времена Союза военные объекты делали добротню, – высказал свое мнение Булавин.

– И такое ощущение, что здесь кто-то есть еще кроме нас.

– Глюки начинаются, товарищ подполковник, – усмехнулся Крутихин.

Однако офицер генштаба посмотрел на него так сурово, что тот опустил взгляд и затаился сигаретой.

Химик Беленко подошла к ним минут через пятнадцать.

– Я ожидала худшего, – объявила она мужчинам, – Свет есть, это нам на руку. Дегазационная камера работает, душ тоже. Правда из четырех сосков вода течет только из двух.

– Уложимся в намеченные сроки? – деловито спросил Са-

МОЙЛОВ.

– Я думаю, да, если не возникнут непредвиденные обстоятельства. Пойдемте, посмотрим верхние этажи.

На втором этаже были пульта для пусковых установок ракет, вернее то, что от них осталось. Передняя панель была снята, из зияющих пустых отверстий торчали провода. На третьем этаже располагались жилые модули. В комнатах стояли по две кровати, тумбочки, шкафы для одежды. Здесь не было агитплакатов о политической бдительности, зато на многих стенах висели картинки из журналов с девушками фривольного вида, в одной комнате на стене жирной черной краской красовалась надпись «ДМБ 94!!!».

– Все ясно с бывшими постояльцами, – иронично заметила Беленко.

– Не судите их сурово, – произнес Булавин, – полтора года и больше в бункере – тут у самого стойкого крыша может поехать.

Беленко ничего не сказала на это, только задумчиво покачала головой.

– Значит так, – командирским тоном провозгласила она, – после ужина заносим все оборудование, завтра начинаем работать. Комнат много, жить будем здесь, ...

– Слава Богу, что не полтора года, – хмыкнул Крутихин и направился к выходу из бункера.

Глава VI

Следующий день начался с бурного совещания после завтрака, на которое собрал всех подполковник Самойлов.

– На складе боеприпасов работают три человека во главе с майором Беленко, – объявил представитель Генштаба, – я буду находиться на верхних этажах бункера, лейтенант Иноземцев будет со мной...

– Простите, товарищ подполковник, – вмешалась Беленко, – Мне нужно три помощника.

– Иноземцев мне нужен будет при обследовании верхних этажей бункера...

– Можно мне вставить слово, товарищи командиры, – не вытерпел Булавин, – вообще-то руководителем группы назначен я. Поэтому давайте все-таки определимся с разграничением наших прав и обязанностей.

– Тут все уже определено, майор, – обрезал Самойлов, – вы отвечаете за организацию жизнеобеспечения группы, майор Беленко – за технологические работы на складе боеприпасов, я осуществляю общее руководство группой. Такие полномочия мне даны начальником Генерального штаба.

– Да ужж! – криво усмехнулся капитан Крутихин.

– А в чем, собственно, заключается общее руководство, товарищ подполковник? – вкрадчиво поинтересовался Булавин, – я что-то ни в одном воинском Уставе не встречал та-

кого понятия.

– Мне нужно обследовать старые ракеты «Эльбрус» в шахтах, кроме того, у меня есть и другие задачи.

– Можно узнать, какие?

– Нет, этого я вам не имею права докладывать.

– М-м-да, тяжелый случай, – Булавин сжал губы, сокрушенно помотал головой.

– Товарищи офицеры, – раздраженно воскликнула Беленко, – давайте все-таки прекратим эти глупые препирательства из-за вопроса, кто здесь старший. Хотя мы все из разных контор, но нам всем поставлена одна задача: ликвидировать склад токсичных боеприпасов. Если мы не выполним эту задачу, то по головке не поглядят никого. На складе боеприпасов старшая я и все, кто там со мной, подчиняются мне. Майор Булавин отвечает за подготовку и организацию работ по дезактивации зарина. А вы товарищ подполковник, – женщина сердито взглянула на Самойлова, – выполняете свои секретные задачи, о которых вы не имеете права нам говорить, но при этом, пожалуйста, не мешайте нам работать.

Самойлов выразительно посмотрел на Беленко, но ничего не сказал, выражение лица его стало каменным.

– Давайте-ка, решим вопрос о расквартировании личного состава, – Булавин решил сменить скользкую тему.

– А чего тут решать, – сказал Крутихин, – комнаты в бункере со всем необходимым есть. Не люксовые, но спать можно, к тому же не надо тратить горючее на отопление.

– Да, пожалуй, – согласился Самойлов, – первой комнату выбирает Ольга Вячеславовна, после нее мы. Как у вас со связью, Иноземцев?

– В дневное время нормально, лучше всего связь на ста шестидесяти и восьмидесяти метрах. Но здесь часто бывают магнитные бури, поэтому постоянной устойчивой связи не гарантирую.

– Ничего, в крайнем случае, у меня есть спутниковый телефон. Когда у вас сеанс связи?

– Через полчаса.

– Хорошо, Ольга Вячеславовна, вы можете спускаться на склад, – он повернулся к Булавину, – а мы с Иноземцевым спустимся потом, после его сеанса связи.

Булавин, Крутихин и Беленко загрузились в лифт, поехали вниз. Молчали, спор с представителем Генштаба не прибавил настроения.

– Правильно говорят, – прервал молчание Булавин, – хочешь загубить дело на корню – назначь на него несколько начальников.

– Я не позволю никому загубить это дело. А выгибоны некоторых командиров очень легко пресекаются.

– Каким образом? – поинтересовался Булавин.

– У меня есть полномочия, потребовать любого из вас отстранить от операции, как не отвечающего по своим морально-деловым качествам требованиям, необходимым для вы-

полнения задания.

– И какие это качества?

– Непрофессионализм, неадекватное поведение и неустойчивое психическое состояние.

– Мне кажется, таких среди нас нет, – улыбнулся Булавин.

– Время покажет, – холодно произнесла Беленко. Когда лифт дошел до первого этажа, она приказала мужчинам, – выносите реактивы, – первая вышла из лифта. Булавин и Крутихин поставили канистры с реактивами у входа на склад.

– Это что, моноэтоламин? – Спросил Булавин химика.

– Да, моноэтоламин с водой. А вы откуда знаете? – она вскинула удивленный взгляд на мужчину?

– Я химик по образованию.

– У-у, прекрасно! – Беленко внимательно посмотрела на Булавина, затем оглянулась по сторонам.

– Странно, – удивленно произнесла она, – мы что, вчера забыли выключить здесь свет?

– Вы последние вчера отсюда выходили. Может, забыли выключить?

– Да нет. Я хорошо помню, что я выключала.

– Может кто-то из наших сюда приходил еще, – предположил Крутихин.

– Зачем? Ладно, сейчас некогда строить версии, идем работать.

Все зашли в небольшую большую комнату-раздевалку, по

стенам которой стояли обычные лавочки, а у стены, смежной с дегазационной камерой, лавочки были с рундуками, как в железнодорожном вагоне.

– Значит так, товарищи офицеры, раздеваемся до нижнего белья, кладем свое белье на лавочки справа. А спецодежда, химзащита и противогазы лежат под этими лавочками, – она указала на железнодорожные скамьи, – берем их и одеваемся. Ульрих Романович, только сначала помогите мне повесить веревку посреди комнаты.

– Зачем? – удивился Булавин.

– Разделим комнату по гендерному признаку. На веревке я закреплю простынь. – Понял.

Когда посреди комнаты на высоте человеческого роста натянули веревку, а на ней прищепками закрепили простынь, Беленко велела мужчинам раздеваться. Офицеры быстро разделись до трусов, повернулись в сторону женской половины. Сквозь простынь увидели силуэт женской фигуры.

– А что, очень даже ничего..., – жарко прошептал Крутихин в ухо Булавину.

– Что, губу раскатило, капитан?

– Дык, я вроде, как мужик, Ульрих Романович, не старый еще...

– Забудь, – Булавин сурово резанул Крутихина взглядом, – хороша Маша, да не наша.

После того как Беленко облачилась в химзащиту, она вышла из-за простыни велела мужчинам тоже надеть защитные

костюмы. Офицеры надели на себя холодную резину.

– Готовы? – Спросила женщина-химик. Получив положительный ответ, приказала, – надеть противогазы!

Все надели противогазы, направились в сторону склада с боеприпасами.

Глава VII

Подполковник Самойлов велел лейтенанту Иноземцеву быть готовым через тридцать минут, а сам вышел на свежий воздух, чтобы успокоиться. Он был раздражен. Перепалка в бункере по поводу распределения полномочных функций в группе ликвидаторов его разозлила. Хорошо, что он сдержался. Он давно взял за правило, никогда не показывать свои эмоции, особенно в своей среде. Гнев, страх, раздражение, любовь, привязанность к кому-либо – это все человеческие слабости, которые когда-нибудь могут сыграть против тебя. В любых ситуациях он старался сохранять самообладание. В характеристиках, которые составляли на него в военных учебных заведениях, всегда вставлялись эпитеты «хладнокровен», «уравновешен», «адекватен в стрессовых ситуациях», он этим гордился.

Нет, он не то чтобы претендовал на командование всеми и всем на этом Богом забытом острове, но самоуверенный тон майора Булавина действовал ему на нервы. Этот майор сразу ему не понравился. Какой-то приземленный: туалет, консервные банки. Пятьдесят три года, а дослужился только до майора. А мне тридцать восемь, и уже подполковник. Хотя понятно, этот служака прозябает на точках, в лесах, болотах. Ну что ж, кому-то надо и такую черновую работу делать. Но какой самоуверенный! И как разговаривает этот майоришка

со мной, подполковником Генштаба. Ничего, и на тебя найду говнецо, мстительно подумал Арнольд Мстиславович.

Он надел модные антибликовые очки, засунул руки в карманы, зябко повел плечами. Ветер не сильный, но какой-то сырой и простреливающий. Не комфорт. И как люди живут в таких условиях годами?

На остров Виктория он попал совершенно случайно. Три дня назад зашел к своему непосредственному начальнику, руководителю инспекторского отдела, чтобы подписать документ. Тот в это время разговаривал с начальником Генштаба. Разговор шел о каком-то острове в Баренцевом море. Начальник отдела больше слушал и давал только реплики о готовности исполнить какое-то задание: «Понял, товарищ генерал армии», «Так точно!», «Будет исполнено, высылаю своего сотрудника завтра же». После разговора с большим начальником генерал положил трубку, взглянул на вошедшего подчиненного, мотнул головой, хмуро произнес «Дела!». Затем спросил Самойлова:

– Что у вас?

– Докладная записка о выявленных нарушениях в обеспечении вещевым довольствием в северо-западном военном округе, – бодро доложил Самойлов, сделал четкий шаг вперед, слегка щелкнув каблуками, этот прием он оттачивал несколько дней у себя в кабинете.

– А-а, ну да, давайте. – Не глядя, генерал подмахнул документ. Затем посмотрел на подчиненного так, как смотрит

председатель военно-врачебной комиссии на новобранца. – Присядьте-ка, Арнольд Мстиславович, – хмуро предложил он, указав на ближайший стул.

Самойлов осторожно сел на стул, напряженно посмотрев на начальника, так как тон генерала не предвещал ничего хорошего.

– Поступила вводная, – сухо начал начальник отдела, – на острове Виктория, это в Баренцевом море, обнаружены запасы неучтенных снарядов с отравляющим веществом зарин. Срочно сформирована группа для ликвидации этого ОВ. Деталей я всех не знаю, но руководство, – генерал многозначительно поднял взгляд к потолку, – предложило послать туда нашего сотрудника для контроля и координации действий. Придется вам туда слетать, так сказать, поруководить. Дело щекотливое, поэтому просили послать наиболее опытного офицера. Мне кроме вас послать некого.

Лицо у Арнольда Самойловича было невозмутимым, как у самурая. Он искренне удивился, даже возмутился (а какое я имею отношение к отравляющим веществам?!), но ничем не выдал своего возмущения. Он часто вылетал в армейские части с проверками. Такова должность. Он любил такие командировки. Командиры частей, даже генералы, относились к человеку из Центра уважительно: ведь проверяющий из Генштаба может по-разному подать материалы проверки руководству в Москве. От «не выполнено по объективным причинам» до «безответственного отношения к своим пря-

мым обязанностям». В общении с командирами армейских частей он любил напустить на лицо значительность и таинственность, снисходительно сделать замечания по каким-либо мелким недостаткам, обнаруженным в частях и подразделениях; мог благосклонно принять от заискивающих начальников какой-либо презент или услугу. В силу своего должностного положения он чувствовал зависимость от него старших офицеров, и это доставляло ему чрезвычайное удовольствие.

Но лететь на необитаемый остров, на котором валяются отравляющие вещества? Чушь какая-то! А если я заражусь этими ОВ? Издержки производства?! Начальник отдела по-своему понял молчание подчиненного. Я понимаю ваше недоумение, Арнольд Мстиславович, командировка необычная, но ответственная. На кону важные государственные секреты. Надеюсь, что справитесь. Если есть вопросы, задавайте.

– Как будет происходить ликвидация этих ОВ?

– Как мне, объяснили в два этапа. На первом этапе в снаряды заливается какой-то реагент, после чего зарин нейтрализуется. То есть делается неопасным. А потом будут вывозить с острова.

– Сколько по времени займет вся эта процедура ликвидации?

– Две недели. Ваша задача только контролировать. Влезать в технологический процесс вам не надо. Это дело специ-

алистов генерала Кириллова. Там будет радиосвязь с базой на Земле Франца Иосифа. Проследите, чтобы в открытом эфире не передавали секретные данные. У вас будет спутниковый телефон, напрямую будете связываться только со мной.

– Я понял. Больше вопросов нет.

– Завтра вы вылетаете в Мурманск. Оттуда полетите со специалистом-химиком на Землю Франца Иосифа. А оттуда непосредственно на остров Виктория. Оденьтесь потеплее: Арктика.

– Как часто мне выходить с вами на связь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.